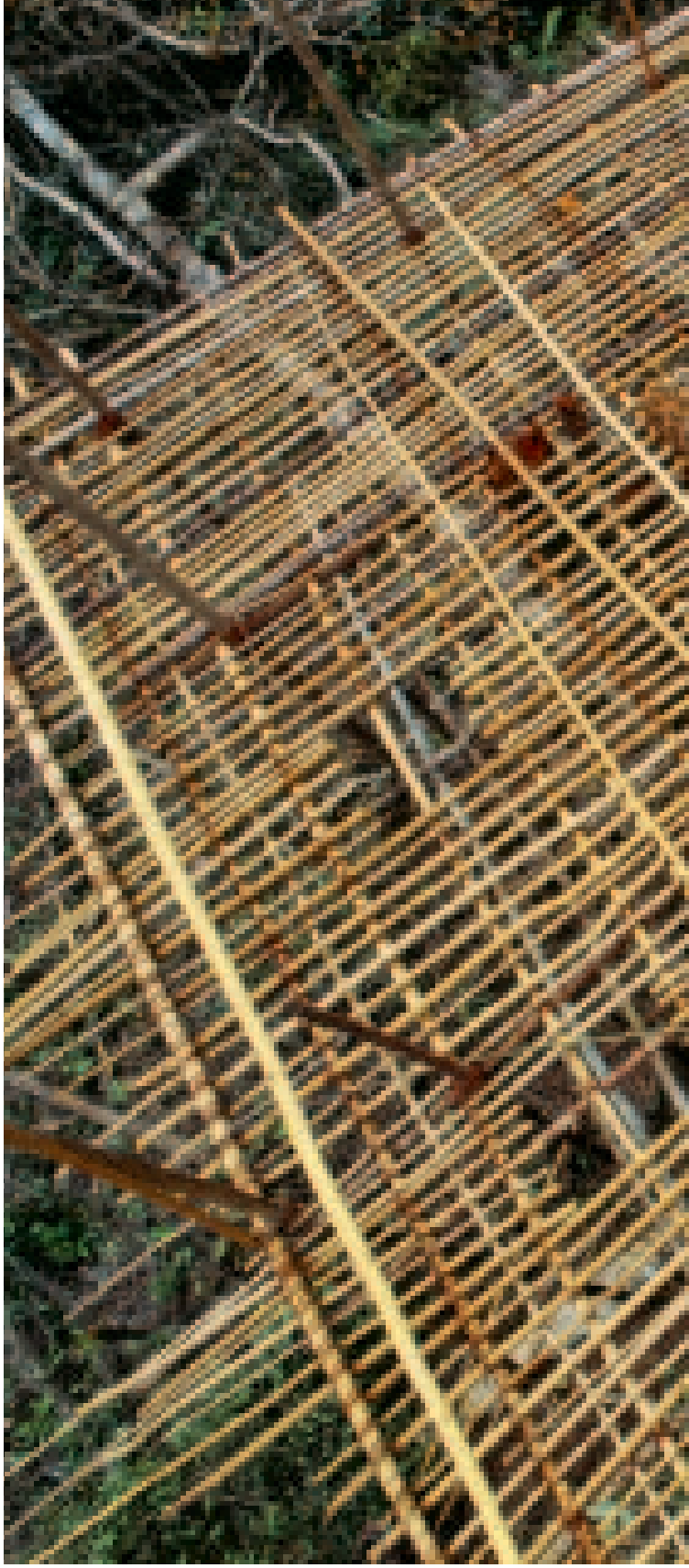
Обитатели папуасских пентхаусов

НЕПРОХОДИМЫЕ ДЖУНГЛИ И ЖИЛИЩА НА ВЕРШИНАХ ДЕРЕВЬЕВ ПОМОГЛИ КОРОВАЯМ СОХРАНИТЬ ДРЕВНИЕ ОБЫЧАИ

ЯЦЕК ПАЛКЕВИЧ

Фотографии
ДЖОРДЖА СТАЙНМЕЦА



Возведение румах тинги начинается с укладки настила: он не только служит полом в доме на дереве, но и основным несущим элементом конструкции

Я все-таки успел побывать в Западном Папуа, пока еще один из последних уголков первобытности на нашей планете не ушел в историю. Полтора десятилетия назад в Венесуэле мне посчастливилось добраться до яномами — последнего индейского племени, не имеющего контактов с внешним миром. А потом познакомиться с бытом коренных жителей Андаманских островов — воинственных джарава, стрелявших из луков по любым пришельцам, вторгшимся на их территорию. Сегодня эти аборигены утратили самобытность, поддавшись влиянию западной цивилизации, и культура туземцев обречена.

ЗАБЫТОЕ ПЛЕМЯ

На острове Новая Гвинея на протяжении 10 000 лет обитает тысяча племен, говорящих на разных языках и диалектах. И неудивительно, что еще несколько десятилетий назад белый человек не знал о существовании короваев, как и они, впрочем, не имели понятия о существовании мира за пределами родных островов.

В начале 1980-х годов в русле реки Бекинг появились голландские миссионеры, одержимые стремлением обратить в новую веру жителей этого отрезанного

АВТОР

ЯЦЕК ПАЛКЕВИЧ

1942 — Родился в Германии, в трудовом лагере.
1972 — Организовал экспедицию в Индокитай, с тех пор регулярно организует исследовательские экспедиции в различные регионы планеты.
1975 — Окончил школу журналистики в Милане.
1982 — Открыл «Школу выживания» в Бассано-дель-Граппа.
1994 — Действительный член лондонского Королевского географического общества.
1996 — Член Русского географического общества.

от мира района. Они основали селение Янирума, построили протестантскую церковку, крытое жестью здание школы, амбулаторию, барак аэропорта, радиостанцию и небольшой магазинчик.

Вскоре познакомившиеся с цивилизацией туземцы стали не только охотно пользоваться ее благами — железным топором, фонариком, спичками, электричеством от общего генератора, — но и одеваться, как белые люди. В последующие годы на карте появились очередные форпосты: Яфуфла, Манггел, Мабул, а в них — новые поселенцы, пленники прогресса.

ЖЕРТВЫ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Я видел их в Мабуле. Эти люди совершенно забыли о прежней жизни, но не встроились в новую. Они бесцельно слоняются по селению, одетые в дырявые футболки, грязные шорты и вязаные лыжные шапочки. Напоминающие наивных подростков, туземцы предлагают на продажу единственный доступный им товар — свою повседневную жизнь, практические навыки и культуру, к сожалению, уже утратившие аутентичность. Когда на ухабистом лесном аэродроме садится легкий самолет с туристами, его окружает толпа аборигенов: появляется возможность подзаработать, позируя перед объективами обнаженными, с копьями, луками и стрелами. Неплохо продаются этнические сувениры, особенно головные уборы из великолепных перьев райской птицы.

Далеко не везде аборигены поддались христианизации. Воинственные туземцы скептически относились к новой религии и не хотели расставаться с традициями. И когда миссионеры отступились от папуасов, за дело взялись чиновники государственной администрации, перед которыми стояла задача ассимиляции аборигенов. В Джакарте в 1970-е годы даже было издано курьезное постановление, предписывавшее обеспечить всех «бесстыдных голышей» парой штанов.

Но и эти усилия не принесли богатых плодов. Назначение в этот ужасный регион — с тяжелым климатом, свирепствующей малярией, крайне ограниченными возможностями перемещения, населенный враждебно настроенными туземцами, — считалось ссылкой в «Сибирь Океании», и особой ревностности никто из чиновников не выказывал. А самих аборигенов надежно укрывал от докучливых опекунов барьер из непроходимых джунглей, обширных болот, недоступных горных хребтов и слухи о свирепости племен, практикующих каннибализм.

Когда сообщения о короваях, которые живут на вершинах деревьев, разнеслись по свету, к неизвестному доселе племени проявили горячий интерес и антропологи, и туристические агентства. Сегодня любители экзотики посещают уже «одомашненные» кланы, до которых можно дойти за несколько дней. На первый взгляд все там напоминает каменный век, и кажется, что доисторические времена еще не канули в прошлое. Но в действительности контакт с белыми людьми уже отразился на повседневной жизни туземцев, которая кое-где превратилась в товар. Когда для съемок одного из телеканалов понадобился дом на вершине дерева, его пришлось специально для этого построить в районе Янирумы.

Но сохранились и кланы, которые предпочитают вести первобытный образ жизни в джунглях вдали от рек, служивших здесь единственными транспортными путями. Неудивительно, что контакты с ними редки, а их численность определяется лишь приблизительно — говорят о нескольких тысячах человек, но точных цифр не знает никто.

НАПРЯМИК ЧЕРЕЗ ДЖУНГЛИ

Поход по едва заметным тропам во влажном экваториальном лесу — это изнуряющая полоса препятствий, сочетание грязи, колючих зарослей, липкого воздуха и стен древовидных папоротников. И никакие ухищрения не помогают. Один из членов нашей

К жилищам короваев ведут **примитивные лестницы, сделанные из длинных стволов с глубокими зарубками**. Несмотря на шаткость и ненадежность такой конструкции, сами папуасы умудряются подниматься по ним даже с тяжелым грузом за спиной

ПРОДОЛЖЕНИЕ НА СТР. 88

Как правило, румах тинги прячутся в густом лесу, но **для строительства поселка для большой семьи приходится вырубать рядом стоящие стволы**, которые тут же идут в дело

1

НАЧАЛО НА СТР. 84

съемочной группы думал, что москитная сетка предохранит от укусов кровожадных насекомых, но быстро от нее избавился, потому что не мог дышать. Другой снял рубашку с длинными рукавами, и вот он уже весь покрыт ранами и царапинами.

Опасность щекочет нервы путешественнику и запоминается на всю жизнь. Но далеко не каждый способен оценить такие переживания. Через две недели похода некоторые предпочли бы изучать суровые законы джунглей, удобно расположившись перед телевизором. Захватывающее приключение превращается для них в пытку. У двоих ноги стерты до крови, третьего мучает понос. И всех — душный, сковывающий движения, пропитанный влагой воздух. Только что прошел ливень, напоминающий Всемирный потоп, и кажется, будто мы оказались в русской бане. Репеллент, которым приходится постоянно пользоваться, смешиваясь с потом, ест глаза. Нет спасения от отвратительных липких пиявок. Такая пиявка тонка, как зубочистка, но, напившись крови, она делается толщиной с сигарету. Дюжина наших носильщиков тоже беспрестанно с отвращением их отрывают. Очень кстати оказываются кожаные перчатки, которые защищают ладони от шипов и колючек. Но нет спасения от москитов: они безжалостно жалят прямо сквозь одежду.

Ботинки скользят по глине, я стараюсь не споткнуться о сплетения корней. Где-то бреду по колено в воде, где-то проваливаюсь в смердящую трясину. Порой приходится преодолевать бурный ручей по скользкому стволу упавшего дерева. Тут уж как повезет: например, вчера я свалился в воду. И, признаться, такое купание нельзя назвать неприятным — оно, хоть и ненадолго, освежает и спасает от теплового удара. Куда хуже приходится нашему телеоператору: ему с аппаратурой никак нельзя купаться, и на переправе он ползет над рекой, сидя верхом на стволе и подтягиваясь руками.

Наконец видим румах тинги — хижину метрах в 20 над землей, а точнее, ее остатки, едва заметные в кронах. Обитатели «высотки» покинули это место, потому что поблизости не осталось саговых пальм — основного источника питания короваев, и хижина спустя пару лет пала жертвой прожорливых джунглей.

1 **Нежилые постройки в селениях короваев ставят на земле —** даже так называемые мужские дома
2 **Одна из главных обязанностей женщин племени короваев — поддержание огня в очаге.** Чтобы пламя не спалило румах тинги, очаг устраивают на глиняном основании

До ее хозяев мы добираемся через несколько часов, но те отказывают нам в гостеприимстве. Мы делаем остановки в двух других селениях, но они, как говорит старший носильщик Гершон, «заражены» туристами. «Демаркационная линия», как голландские миссионеры называли условную границу, отделяющую известный европейцам мир от мира неизвестного, пролегает в пяти днях ходьбы. Там уже джунгли принадлежат последним из аутентичных короваев.

НЕЛАСКОВАЯ ВСТРЕЧА

Отправляясь к короваям, следует соблюдать незыблемое правило: за день до визита надо выслать к ним своего эмиссара, который в обмен на подарки постарается получить у аборигенов согласие на стоянку. «Даже я там еще не был, а иностранцы и подавно», — уверяет наш проводник Корнелиус.

Наши планы приходится постоянно корректировать в зависимости от информации, получаемой по пути. Так же было, когда я искал племя баузи на реке Мамберамо. На военных картах этого района тоже стоял штамп *Relief data incomplete* — «Данные о рельефе неполны». Наконец Корнелиус торжественно объявляет, что мы достигли цели. На раскорчеванной поляне — сотни поваленных деревьев, словно сюда свалился метеорит. Чуть дальше в кронах я замечаю румах тинги, напоминающую гнездо огромной птицы. Объединенные в кланы, короваи живут небольшими семейными группами, разбросанными на значительных пространствах джунглей. Известно, что они ведут беспрестанные племенные войны, которые подпитывают широко распространенную традицию кровной мести. Она является частью их культуры, как у сицилийцев. Сведения об этом племени весьма скудны, а те, что имеются, не всегда точны: отчеты

1 **Саговые пальмы** — основной источник питания короваев
2 Спрятавшиеся в глубине лесов племена **до сих пор пользуются самодельными каменными топорами**

путешественников или сообщения миссионеров, как правило, отягощены грузом стереотипов и крайне поверхностны.

Напряжение возрастает, когда до нас доносятся грозные крики. Неужели наш парламентер нас подвел? Несколько воинов со зловещими лицами бегут в нашу сторону, целясь из луков. Их враждебность очевидна. Они темнокожие, с широкими носами, проткнутыми резными костяными палочками, щуплые, низкорослые. Их гневные взгляды гораздо выразительнее тех, которыми пожирают друг друга профессиональные боксеры перед первым гонгом.

Проводник и оба переводчика — с английского на индонезийский и с индонезийского на коровайский — выходят вперед из нашей шеренги и начинают

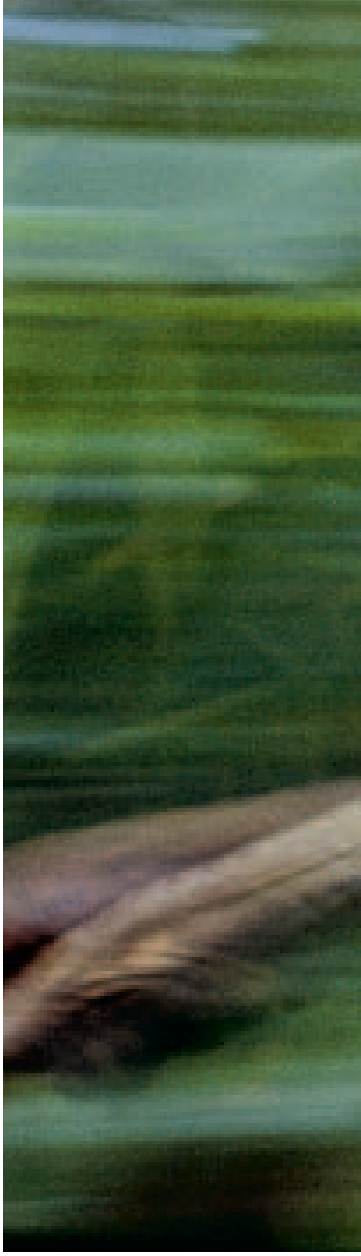
переговоры. Напуганные встречей с глазу на глаз с дикарями, мы робко ожидаем финала. Диалог, сопровождающийся живой жестикуляцией, продолжается несколько минут, после чего группа удаляется в направлении просторных шалашей, а нам остается в напряжении ждать.

Дипломатический талант Корнелиуса в сочетании с подарками — табаком, топорами и солью — возымел действие: мы получили согласие на стоянку.

ФОТОГРАФ

ДЖОРДЖ СТАЙНМЕЦ

1957 — Родился в Беверли-Хиллз (США), живет в Глен-Ридж (штат Нью-Джерси).
1986 — Начал карьеру фотографа с 28-месячного путешествия по Африке.
1995 — Получил первый приз *World Press Photo* в категории «Наука и технология» (в 1998 году повторил это достижение).
Специализируется на натурной аэросъемке. Совершил экспедиции в Сахару и Гоби. Постоянный автор журналов *National Geographic* и *GEO*. Выпустил две книги: *African Air* и *Empty Quarter* (о пустыне Руб-эль-Хали на Аравийском полуострове).



3 **Казуары,** нелетающие птицы, внешне напоминающие индюков, **— обычная добыча охотника-коровая**

Новогвинейские аборигены живут так называемым акефальным (дословно — безголовым) обществом: у них нет вождей в традиционном понимании. Каждая деревня — три — пять семей, а все жизненно важные вопросы решают те мужчины, которые пользуются наибольшим авторитетом. Именно эти авторитетные короваи и позволяют нам войти на их земли.

Женщины в юбках из волокон саговой пальмы, с обвисшими грудями и выпяченными, как у беременных, животами, держатся поодаль и смотрят, не двигаясь. На их лицах можно прочесть одновременно удивление, страх и любопытство. Когда я снимаю рубашку, испуганные дети с криками убегают — они думают, что я снимаю с себя кожу. Измазанный грязью и мокрый от пота, высматриваю купальню. К сожалению, деревенский пруд может служить лишь рассадником смертельных микробов. Трачу 10 минут на то, чтобы дойти до речушки, и прямо в майке, брюках и ботинках бросаюсь в мутную буроватую воду. Это самое приятное мгновение за весь день, а вот выход по трясине доставляет гораздо меньше удовольствия.

ДЕРЕВНЯ НА ДЕРЕВЬЯХ

Мы разместились в одном из шалашей на невысоких сваях, который служит хозяевам вспомогательной кухней. Рядом стоят хижины, где временно проживают женщины

GEORGE STEINMETZ/CORBIS /FOTO S.A. (x8)

Выиграй MasterCard

ЛЕГКИЙ СПОСОБ ПЕРЕВЕСТИ ДЕНЬГИ

Приглашение от Международной Лиги Мира

в период месячных и матери с новорожденными детьми — им полагается жить вне общины, поскольку менструация и роды, по верованиям короваев, открывают путь злым духам в тело человека. Короваи — анимисты, и все их верования связаны с духами и призраками, которыми они населяют окружающий мир.

Один из туземцев, не расстающийся с копьем, разжигает для нас костер, добывая огонь с помощью двух деревяшек. В этой обстановке неуместно выглядят наши компьютеры, приемники *GPS* и спутниковые телефоны.

Титус, предводитель клана с воинственной физиономией, испещренной прыщами и язвочками, указывая на свой дом, жестом приглашает наверх, на высоту восьмого этажа. Туда как раз направилась одна женщина. С удивлением наблюдаю, как ловко, помогая себе только одной рукой, она взбирается по длинной жерди с зарубками и при этом несет поросенка в сетке на спине и ребенка под мышкой. Я набираюсь смелости и с трудом лезу сначала по шаткой лестнице, после чего надо еще вскарабкаться по вертикальной жерди, зарубки на которой слишком малы, чтобы можно было надежно ставить на них ступни. Ох, как бы жердь не сломалась под тяжестью европейца!

Снова весь в поту не столько от физических усилий, сколько от страха упасть с такой большой высоты, усаживаюсь на «террасе». Сверху хорошо виден беспорядок, характерный для временного становища, а не настоящего дома: к ближайшей речке не протоптана даже тропинка, болота подступают к самой деревне, а между толстыми стволами с хижинами наверху, как и между редкими наземными постройками, валяется мусор — пожухлые листья, кожура плодов, какие-то щепки и обрывки.

По пояс обнаженная женщина с ожерельем из собачьих зубов что-то стряпает. Огонь разожжен прямо тут же, на платформе, на толстой глиняной подложке — чтобы плетеный пол не загорелся. В закутке хрюкает свинья, на которую ворчит шелудивый пес. Даже странно, что маленький ребенок спокойно лежит здесь же и не заходится плачем. В углу стоит пучок стрел с наконечниками разной формы и из разного материала. Те, что сделаны из обожженного дерева, предназначены для животных (основная добыча короваев — тапиры, казуары, кабаны, олени, макаки и проехидны), четырехзубые — для рыб, закругленные — для птиц, а изготовленные из зазубренной большой берцовой кости казуара — для людей. Кроме луков, короваи пользуются и копьями — как для охоты, так и для войны, но их здесь не видно.

Короваи выбирают для устройства хижины дерево с прямым и мощным — иногда диаметром до метра — стволом и широкой корневой системой. Основу конструкции составляет платформа размером 5 × 8 м, возведенная в развилке ветвей. К связанным древесными волокнами жердям, образующим пол, прикрепляются полутораметровой высоты стены из кусков коры и крыша из больших листьев саговой пальмы. Пол конопатят особым видом травы, которая, как верят короваи, защищает от злых духов.

Вокруг меня и подо мной — зеленое море, глаз от которого оторвать невозможно. Теперь мне становится ясен смысл строительства домов на вершинах деревьев. Воздух здесь свежее, сюда не добираются ни насекомые, ни ядовитые пауки, ни змеи. Здесь легче защищаться от врагов. Будучи анимистами, короваи верят, что ночью джунгли заполняются монстрами и злыми духами. А чем выше располагается дом, тем меньше опасность появления непрошеных гостей — неважно, реальных или потусторонних.

«МЫ СЪЕДАЕМ НЕ ЧЕЛОВЕКА»

Каждого, кто приезжает в Западное Папуа, интересует вопрос: практикуется ли здесь еще людоедство? Кошмарные сцены, о которых повествуют как миссионеры, так и исследователи, не стоит принимать за чистую монету. Тем более что передаваемые из уст в уста истории часто обрастают совсем уж фантастическими деталями.

Разумеется, каннибализм преследуется властями, но известно, что в повседневной жизни короваи следуют давним верованиям и традициям. Прежде они поедали тела врагов не для того, чтобы набраться их силы, достойно совершить ритуал инициации или обеспечить урожайность земли либо плодовитость женщин. По их верованиям, людей, подозреваемых в колдовстве, следует убивать. «Мы съедаем не человека, — подчеркивает Титус, — а только какуе, вселившегося в него злого духа, который приносит несчастья и угрожает жизни других». Короваи, воспитанные в мире мифов, не имеют представления о законах и юриспруденции, и неудивительно, что каннибализм был некогда своеобразной формой отправления правосудия.

Американский антрополог Руперт Сташ, в 1990-х долго живший среди короваев, утверждает, что не нашел доказательств существования людоедства. Поэтому я подозреваю, что слава жестоких каннибалов закрепилась в нынешнее время за короваями в основном стараниями туристического бизнеса. Сотни европейских турфирм привлекают клиентов экзотическими программами, и чем выше уровень экстрима, тем лучше. Загадочные охотники за черепами всегда волнуют воображение обывателя. У людей, отправляющихся в такие экспедиции, заранее сформировано ложное представление, которое зачастую они и распространяют по возвращении.

ПУСТЬ РЕШАЮТ САМИ

Короваи оказались недоверчивыми, с ними не получается установить близкие отношения. Хорошо, что у нас есть возможность хотя бы понаблюдать за их повседневной жизнью. Двое мужчин срубают на болоте каменными топорами саговую пальму, отсекают от нее листья, после чего несколько женщин измельчают, толкут сердцевину и водой вымывают в желобе саго. Из этой беловатой муки они потом испекут лепешки. Такая пальма на две-три недели обеспечивает пищей всю семью. Из нее же добывают и местный деликатес. В гниющей древесине самки жуков откладывают яйца, из которых через два месяца выводятся личинки больше чем в палец толщиной. На одном стволе можно собрать больше 500 жирных личинок, которых аборигены употребляют в сыром виде или жарят в банановых листьях.

Как долго еще продержатся отставшие от поезда истории аборигены? Их судьба предрешена — к сожалению, политика ассимиляции себя не оправдала, потому что даже мирное вмешательство приводит к тому, что раньше или позже туземцы теряют способность жить самостоятельно и становятся полностью зависимыми от государственной помощи изгоями.

Лауреат Нобелевской премии по литературе 2010 года, публицист и политик, перуанец Марио Варгас Льоса пишет: «Если бы мне пришлось выбирать между сохранением культур индейцев и их полной ассимиляцией, то я бы с глубоким сожалением выбрал интеграцию индейских общин, потому что главным приоритетом является, конечно, борьба с голодом и нищетой...» Но сегодня среди антропологов господствует иное мнение: следует предоставить туземцев самим себе, чтобы они существовали так, как прежде. И сами решали, устанавливать с нами контакты или нет.